

Веч. Москва. - 1995. - 18 февр. - С. 7.
ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЭДЕМ

Сорок тысяч лет назад человечество было изгнано из рая. Роман Виктюк каждый вечер нас туда возвращает.

— Роман Григорьевич, в том, что любая ваша постановка превращается в премьеру номер один, есть какая-то тайна. В чем она?

— Вот именно, тайна. То есть то, что недоступно и непонятно.

— Даже вам самому?

— Если тайну разложить на составные части, она моментально уходит, потому что у тайны, как и у вечности, есть тот порог, к которому нужно только подходить. Состояние восторга, безумия или страха — вот три основополагающих восприятия тайны. Дальше шагнуть — нельзя, потому что дальше — небытие. И попробовать из этой иррациональной пучины, их невероятной глубины, перед которой бессильна даже наука, вывести все ее составляющие — невозможно. Потому что есть нечто неподвластное человеческому разуму.

— Если то, как это происходит — загадка, возникает другой вопрос: для чего? В чем вы видите предназначение театра?

— Сорок тысяч лет назад человечество было изгнано из рая, просто выброшено на эту землю, которая даже не приспособлена для людей. И по сей день трудом и страданиями мы создаем здесь свой мир. Я глубоко верю в то, что театр должен возвращать нас в потерянный рай. Театр — это воспоминание о рае. А рай — это Дух, Свет и Высота. Организм актера должен быть настолько прозрачен, чтобы впитывать этот свет, который нам несут небеса. А впитав, выплеснуть его в зрительный зал.

— Но многие театральные постановки

становятся популярными за счет далеко не «райских» тем, а наоборот — благодаря своей актуальности...

— Так не должно быть и не может быть. В раю нет общественных структур, политических партий. Там нет места ненависти, есть только благодать и поклонение природе. Вспомните, мы были изгнаны из рая именно из-за конфликта с природой. Значит, мы должны признать этот грех и искупить его, как это делали Бах, Бетховен, Моцарт. Что есть их музыка? Это по-

Размышления у афиши...

Роман Виктюк:

«Не дать человечеству сгинуть»...

стоянная молитва и благодарность небу за то, что мы существуем. И невозможность высказать эту благодарность... Социальные проблемы — это не тема для театра. Наше предназначение в том, чтобы говорить только о любви и страдании, свободе и рабстве...

— Последней теме вы посвятили целый спектакль...

— И она определила популярность «Служанок». Проблема раба и духа. Раб понимает, что не может постичь дух, и начинает ненавидеть другого раба, «пожирает» его. Поэтому в конце спектакля я совершенно сознательно даю часть реквием Верди «День гнева» — как реакцию небес на происходящее на подмостках.

— Критики закрепили за вами монополию на любовную тематику. И вдруг вы беретесь за постановку де Сада. Почему?

— Потому что де Сад — это тот человек, который на два века вперед предвидел сегодняшний хаос. Он правит нашим миром, он стал нашим естественным состоянием. Хаос этот в понимании де Сада касается прежде всего эротика, не освященного чувством. Это его трагическое воззвание на двадцатый век. Мне кажется, он удивительно современен для России.

— Путь к де Саду, видимо, был для вас логичен. Еще раньше вы обращались к творчеству его последователя Жана Жанэ...

— Есть такая древняя еврейская легенда о том, что в каждом поколении рождаются тридцать шесть мудрецов, которые своей жизнью определяют жизнь всего поколения. И не дают человечеству сгинуть. Мне кажется, что и де Сад, и Жанэ — каждый в своем поколении —

были теми мудрецами, о которых говорит легенда.

— Не только мудрецами, но еще и пророками?

— Безусловно. Маркиз де Сад обращался именно к нам, когда говорил, что эротика без духа — это смерть. Он предвидел трагедию, он боялся ее и поэтому писал свои книги... смеясь. Он создал некий мистический театр маркиза де Сада и героев, которые задуманы марионетками. Это куклы, а не люди, они неодушевлены. Он передвигает эти фигурки с помощью ниточек и сталкивает их друг с другом, хохоча. Это было его предостережением нам. Вся беда в том, что его никто не услышал.

— Роман Григорьевич, вы каждый год ставите по пять-шесть спектаклей. Такое ощущение, что вы спешите куда-то, боитесь не успеть...

— Иначе нельзя, потому что нашу жизнь — украли. Никто за это не извинился и извиняться, кажется, не собирается. За эти уворованные годы надо работать сейчас — пока можно, пока есть силы.

...Дозвониться до Виктюка почти невозможно. Договориться с ним о встрече — еще сложнее. Утром у него репетиции, вечером спектакли. Короткие промежутки между тем и другим заняты решением околотеатральных проблем. А ведь можно было бы жить иначе — размеренно, комфортно, богемно. Остановиться на достигнутом и всю оставшуюся жизнь пожирать лавры. Но так, видимо, жить он не может. Слишком многого требует от него поиск потерянного рая.

Лариса ХАВКИНА